

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080025585-0

КЕРАМИКА ТЕЛЛЯ ДЕХАЙЛА-1
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2018–2021 гг.© 2023 А.И. ЯНКОВСКИЙ-ДЬЯКОНОВ^а, Д. КАЛЬДЕРБАНК^б, Л.А. ГУСАК^с^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^а – ORCID: 0000-0003-2691-265X; jankowski-diakonoff@yandex.ru^б – Университет Глазго, Глазго, Великобритания^б – ORCID: 0000-0001-8273-526X; Daniel.Calderbank@glasgow.ac.uk^с – Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Россия^с – ORCID: 0000-0002-1255-7063; lika.gusak@gmail.com

Резюме: Телль Дехайла-1 (ЕР-34 из разведок Генри Райта) находится в Южном Ираке в одной природно-географической области с исследованными городищами Телль Хайбер (17 км к северо-востоку), Эриду (26 км к юго-востоку) и Ур (30 км к востоку) и является одним из крупнейших поселений старовавилонского периода (площадь памятника 47 га). Важнейшей проблемой в изучении городов Южного Двуречья является кризис деурбанизации середины 2-го тыс. до н.э., поэтому важны датировки относительно этого кризиса. Из примерно 400 фрагментов керамики, зарегистрированных в ходе разведок и раскопок на Телле Дехайла-1 Российской-Иракской экспедицией в 2018–2021 гг., в настоящем исследовании рассматриваются только малые и средние формы, в основном чаши, кубки и кувшины, диагностичные в хронологическом и культурном отношении. Главный комплекс Телля Дехайла-1, в целом отвечающий старовавилонской традиции, имеет свои особенности. Пока нет возможности определить, обусловлены ли они хронологически или представляют собой результат местной вариативности. В целом наиболее близкий сравнительный комплекс относится к фазе III (ок. 1800–1600 гг. до н.э.) на Телле Йельхи в горах Хамрин. Стратиграфические и морфологические соображения позволяют выделить три периода бытования на раскопанных участках Телля Дехайла-1: 1) основной период существования старовавилонского города; 2) довольно тонкий «слой таннуров» с формами керамики, которые мы склонны считать пост-кризисными (ранний Приморский период?); и 3) период обживания 1-го тыс. до н.э. (нововавилонский период) непосредственно под современной дневной поверхностью, не ассоциирующийся на раскопанной площади с какими-либо архитектурными остатками, и очевидно, относящийся к негородскому поселению. Хотя раскрытые площади на разных участках телля невелики, их материал показывает единую картину, как морфологически, так и технологически, а поверхностные находки не противоречат выводам, сделанным по стратифицированной керамике.

Ключевые слова: Ирак, старовавилонский период, первая династия Приморья, нововавилонский период, Телль Хайбер, Телль Йельхи, Телль Дехайла.

Для цитирования: Янковский-Дьяконов А.И., Кальдербанк Д., Гусак Л.А. Керамика Телля Дехайла-1 по результатам полевых исследований 2018–2021 гг. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 230–245. DOI: 10.31857/S086919080025585-0

POTTERY FROM SURVEYS AND EXCAVATIONS AT TELL DEHAILA-1
(2018–2021)

© 2023

A. JANKOWSKI-DIAKONOFF ^a, D. CALDERBANK ^b, L. GUSAK ^c^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^a – ORCID: 0000-0003-2691-265X; jankowski-diakonoff@yandex.ru^b – University of Glasgow, Glasgow, UK^b – ORCID: 0000-0001-8273-526X; Daniel.Calderbank@glasgow.ac.uk^c – Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia^c – ORCID: 0000-0002-1255-7063; lika.gusak@gmail.com

Abstract: *Tell Dehaila-1 (EP-34 of Henry Wright's survey) is located in Southern Iraq in the same natural environment as the previously excavated sites of Eridu (26 km southeast), Ur (30 km east), and Tell Khaiber (17 km northeast), where it is one of the largest settlements of the Old Babylonian period (47 ha). Of the approximately 400 potsherds recorded during surveys and excavations at Tell Dehaila-1 by the Iraqi-Russian project in 2018–2021, the present study examines only small and medium-sized forms, mainly bowls, cups and jugs, since these are the most chronologically and culturally diagnostic. The Tell Dehaila-1 assemblage generally corresponds to the Old Babylonian tradition, but has its own idiosyncrasies. It is not yet possible to determine whether these idiosyncrasies are chronologically driven or are the result of regional variation. The closest comparable assemblage is from Phase III (c. 1800–1600 BC) at Tell Yelkhi in the Hamrin. Stratigraphic and morphological considerations make us distinguish three periods of habitation in the excavated areas of Tell Dehaila-1: 1) the main Old Babylonian city; 2) a rather thin "tannur layer" with vessel forms that we tentatively interpret as post-crisis (early Sealand Period?); and 3) a 1st millennium BC presence (Neo-Babylonian), without any architectural remains within the excavated area, and apparently belonging to a non-urban settlement. Although the excavated areas in different parts of the tell are small, their material shows a unified picture, both morphologically and technologically, and surface finds do not contradict the conclusions drawn from the stratified ceramics.*

Keywords: Iraq, Old Babylonian period, First Sealand Dynasty, Neo-Babylonian period, Tell Khaiber, Tell Yelkhi, Tell Dehaila.

For citation: Jankowski-Diakonoff A.I., Calderbank D., Gusak L. Pottery from Surveys and Excavations at Tell Dehaila-1 (2018–2021). *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 230–245. DOI: 10.31857/S086919080025585-0

Находки древних керамических сосудов, в основном фрагментированных, являются главным статистическим и датировочным материалом в археологических исследованиях Месопотамской аллювиальной равнины. Для 2-го тыс. до н.э. в настоящее время существует хронологическая классификация форм керамики [Armstrong, Gasche, 2014] на основании материала со стратиграфически достоверными позициями из раскопок, проведенных в течение XX в.

Памятники, с которых взяты главные стратиграфические последовательности, следующие: Сиппар и Дильбат в северной части аллювиальной равнины; Умм Аль-Хафрийят, Ниппур, Исин, Ларса и Лагаш (Телль аль-Хиба) на юге; Харрадум на Среднем Евфрате; Телль Йельхи и Телль Кесаран в долине реки Диялы и Сузы в Хузестане.

При всей своей фундаментальной ценности, типология Дж. Армстронга и Г. Гаше имеет принципиальный недостаток: в ней отсутствуют формы, относящиеся к периоду так называемых «месопотамских темных веков» (ок. 1740–1430 гг. до н.э. по средней хронологии), когда на упомянутых памятниках зафиксированы слои запустения. Соответственно, у Армстронга и Гаше не приводится форм керамики для этого периода непосредственного с Месопотамской равнины.

Запустение не коснулось поселений на южной и юго-восточной периферии Месопотамии – в Сузиане, на северо-западном побережье Персидского залива, и, возможно, также к северу в предгорьях Загроса. Однако слои запустения на всех источниках главной стратиграфии на аллювии [Armstrong, Gasche, 2014, tabl. 9], по-видимому, произвели на авторов настолько убедительное впечатление, что периферийный (Файлака, Кала’ат эль-Бахрейн) или хронологически оспариваемый ими (Телль Йельхи) материал, противоречивший идее общей деурбанизации, не был использован систематически.

С «темными веками» приблизительно совпадает, начинаясь несколько раньше и оканчиваясь несколько позже, правление «царей Страны Моря» (шум. *kur.a.ab.ba*, акк. *māt tāmti*), поначалу известное только по позднейшим царским спискам. История изучения «Страны Моря» и современное состояние вопроса подробно изложены в [Boivin, 2018]. Мы будем использовать прилагательное «Приморский» как исторический термин, который обозначает политико-социальную общность обитателей Болотной области Южной Месопотамии в середине 2-го тыс. до н.э., и соответствующую этой общности материальную культуру.

В 2010-е гг. многие иностранные экспедиции возобновили раскопки на территории Ирака на новом методическом уровне с хорошим стратиграфическим контролем. В их числе была британская экспедиция на Телле Хайбер, которая в 2013–2017 гг. исследовала отдельно стоящее административное здание под центральной частью этого небольшого телля. Благодаря находке клинописных табличек с датировочной формулой восьмого царя Приморской династии Айдарагаламы было доказано, что здание функционировало по прямому назначению в период Первой династии Приморья, ближе к ее концу (вероятно, между 1580 и 1460 гг. до н.э.).

Раскопки дали обширный керамический материал, подробно опубликованный в [Calderbank, 2018; 2021], что дало возможность восполнить пробел, существующий в типологии Армстронга и Гаше, и дать хорошее основание для будущих датировок Приморского материала. Впрочем, по клинописной датировке, «хайберовский» материал следует рассматривать как поздне-Приморский, а «ранне-Приморский» период, непосредственно примыкающий сверху ко времени Самсуилуны (1749–1712 гг. до н.э.), может и не иметь существенных морфологических отличий от старовавилонского.

Когда в феврале 2017 г. иракский археолог и общественный деятель Абдуламир Хамдани предложил российской экспедиции приступить к изучению Телля Дехайла (рис. 1), то работа, сделанная на Телле Хайбер (раскопки там как раз подошли к завершению), стала одним из аргументов в пользу выбора Дехайлы. Со своей стороны, А. Хамдани предположил, на основе собственных разведок 2003–2008 гг., что Телль Дехайла-1 мог скрывать под собой столицу Приморской династии [Hamdani, 2015]. Многие в истории изучения этого телля и его окрестностей связано с именем Абдуламира Хамдани. К большому горю своих друзей, коллег и учеников, А. Хамдани, поистине герой современной иракской археологии, ушел из жизни 29 апреля 2022 г. в возрасте 55 лет.

Телль Дехайла-1 был впервые зарегистрирован Генри Райтом в разведке 1965 г. за номером 34 и датирован по поверхностной керамике как «поздняя Ларса» [Wright, 1981, p. 339]. Во время своей работы инспектором регионального управления Государственного совета по древностям и наследию Ирака (ГСДН) по мухафазе (административной области) Ди Кар

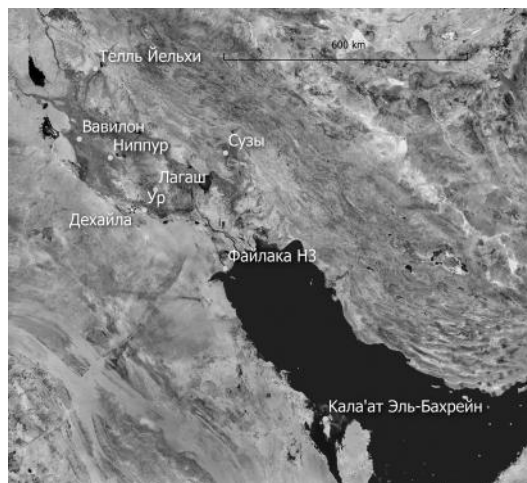

Рис. 1. Телль Дехайла в географическом контексте
 Fig. 1. Tell Dehaila in a geographical context

А. Хамдани провел разведки на значительной территории своей мухафазы, в том числе на Телле Дехайла и вокруг него. Несмотря на то, что А. Хамдани датировал 494 памятника из этих разведок временем Приморской династии, в том числе сам Телль Дехайла-1 (до того, как стал доступен материал Телля Хайбер), датировочные маркеры, которые позволили ему сделать такое заключение, не были им опубликованы.

Д. Кальдербанк посетил Телль Дехайла-1 в начале 2016 г. вместе со своими коллегами по экспедиции на Телль Хайбер, и его первые впечатления не противоречили наблюдениям Г. Райта: речь шла, скорее всего, об однопериодном старовавилонском городе. Очевидного «Приморского» присутствия, которое к 2016 г. уже можно было бы определить по имевшейся «хайберовской» типологии, при кратком визите не обнаруживалось. Одной из главных целей наших последующих разведок стало выявление «хайберовских» черт на Дехайле, чтобы понимать, насколько обоснованы надежды на ее «Приморский» расцвет.

В ноябре 2018 г. А.И. Янковский-Дьяконов, Л.А. Гусак и представитель ГСДН Мустафа Фадл посетили Телль Дехайла с целью подтверждения выбора памятника для последующих раскопок. Рекогносцировка принесла больше вопросов, чем ответов: оказалось, что хорошо видимые на спутниковом снимке линии городской застройки и каналов очень плохо читаются на местности, а типично «хайберовские» черты в подъемном материале не обнаруживаются, если не считать единственного фрагмента переобожженной чаши с характерным «хайберовским» выступом на тулове (carinated bowl) (ср. [Calderbank, 2021, pl. 1–3]). В контексте Южного Двуречья 2-го тыс. до н.э. эти небольшие “чаши с ребром” диагностичны для периода Приморской династии.

10 апреля 2019 г. памятник, в сопровождении тогдашнего руководителя регионального управления ГСДН Тахира Хоссейни, посетили А.И. Янковский-Дьяконов, Ш.Н. Амиров и В.В. Новиков. Фрагменты керамики, вызвавшие у нас интерес, были, как и в 2018 г., сфотографированы в руках так, чтобы при необходимости можно было извлечь из них векторное изображение профиля. Была проведена аэрофотосъемка всего телля; на основании полученного ортофотоплана, в 2020 г. был заложен первый раскоп. Место для него было выбрано в углу вымосток из обожженного кирпича в непосредственной близости от древнего русла реки Эриду [Янковский-Дьяконов и др., 2020].

Тестовый сезон 2020 г. оказался очень коротким; нам пришлось прервать его по требованию иракских властей в ходе их противодействия пандемии COVID-19. Было получено 39 диагностических фрагментов керамики из шурфа и 110 с поверхности в южной, центральной и юго-западной частях телля.

В 2021 г. состоялся полноценный полевой сезон, с раскрытием трех раскопов, два из которых (№ 1 и № 2) были пройдены до материка [Янковский-Дьяконов и др., 2022]. Из этого сезона было получено 203 стратифицированных фрагмента и 56 поверхностных.

В настоящей работе объединены результаты всех вышеописанных разведок и раскопок в том, что касается керамики Телля Дехайла-1.

Методика работы в обоих раскопных сезонах была одинаковой. Собирались и обрабатывались только диагностический материал¹. Л.А. Гусак занималась сбором фрагментов керамики из подъемного материала, отбором диагностических фрагментов из раскопов и их паспортизацией. В сезоне 2021 г. Ш.Н. Амиров вел методическое руководство полевой обработкой керамики.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ

Материалы каждого из трех шурфов демонстрируют согласованность основных форм. Значительная часть фрагментов не содержит очевидных датирующих маркеров; это формы 2-го тыс. до н.э., мало подверженные изменениям, особенно крупные (пифосы с подставкой в виде кольца и подставки для крупных сосудов). Мы не будем на них останавливаться, а разберем ту часть материала, которая является хронологически диагностической.

Чашы

Чашы – широко распространенный на Дехайле вид сосудов. Здесь встречается четыре основных типа чаш:

- 1) скругленная закраина, гладкое изогнутое тулово (рис. 2.1: DE21-5-7);
- 2) плоская закраина, гладкое изогнутое тулово (рис. 2.2: DE21-8-1);
- 3) закругленная закраина, изогнутое тулово и канавка под внешним ободом (рис. 2.3: DE21-9-10);
- 4) плоская закраина, изогнутое тулово и канавка под внешним ободом (рис. 2.4: DE21-9-26).

Венчики с одиночным желобком в сочетании с широкими плоскими донцами встречались в Ниппуре под конец XVIII в. до н.э. [Armstrong, Gasche, 2014, pl. 9.8–11]², а у чаш меньшего размера – в XIV в. до н.э. [Armstrong, 1993, pl. 77.1]. Чашы этих форм на Телле Дехайла также имеют определенное сходство с чашами с желобком Телля Хайбер (тип 10.3, например, фрагмент p6175-39 [Calderbank, 2021, p. 139]), датируемыми серединой 2-го тыс.

¹ Всем диагностическим фрагментам были присвоены номера, где DE обозначает Телль Дехайла-1, далее год сезона, номер контекста и порядковый номер черепка внутри контекста. Номер контекста «0» означает находку с поверхности. Так, фрагмент DE20-0-14 – это фрагмент сосуда из подъемного материала № 14 из сезона 2020 г., а DE21-9-19 – это фрагмент из раскопа 2021 г. № 19 внутри 9-го контекста (так называемый «слой таннуров»). Для наиболее интересных предметов были измерены координаты с помощью тахеометра.

² В [Armstrong, Gasche, 2014] используется дискуссионная «новая нижняя хронология» (New Low Chronology, NLC), главным аргументом для которой является, по нашему мнению неверное, понимание кризисных процессов середины 2-го тыс. до н.э. Постулируя «полосу запустения» и вместе с тем видя отсутствие достаточно резкого разрыва в развитии форм керамики от позднестаровавилонских к касситским, авторы склонны хронологически сократить разрыв. Материалы Телля Хайбера, побережья Персидского залива и Телля Дехайла говорят о том, что такой необходимости просто нет, т.к. между позднестаровавилонскими и касситскими лежат Приморские формы. В данной работе мы, цитируя Дж. Армстронга и Г. Гаше, по умолчанию пересчитываем даты их «новой нижней хронологии» в стандартную среднюю хронологию.

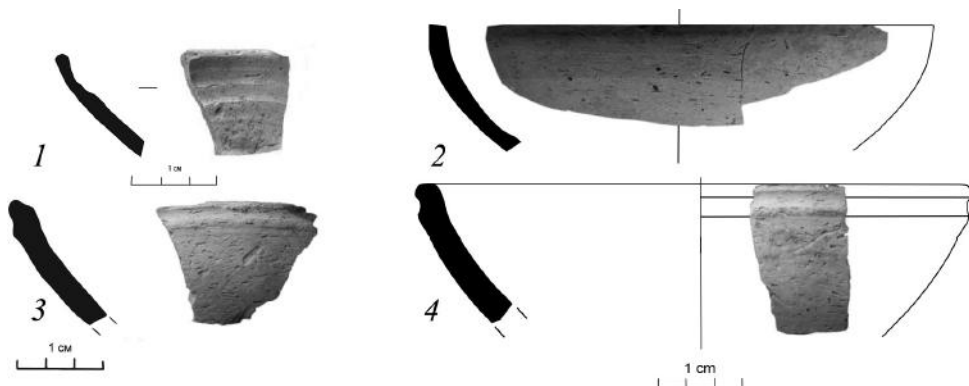

Рис. 2. Фрагменты чаш: 1 – DE21-5-7; 2 – DE21-8-1; 3 – DE21-9-10; 4 – DE21-9-26
 Fig. 2. Fragments of bowls: 1 – DE21-5-7; 2 – DE21-8-1; 3 – DE21-9-10; 4 – DE21-9-26

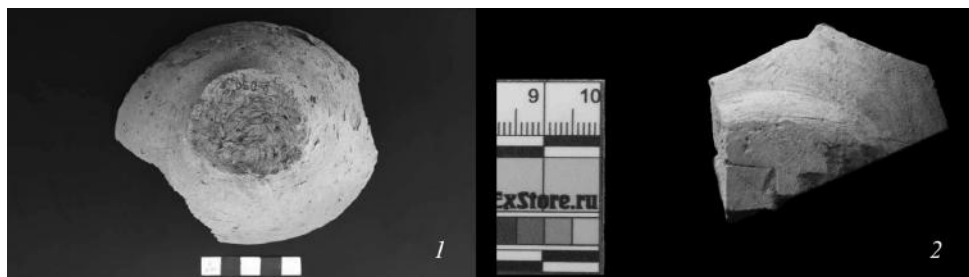

Рис. 3. 1 – донце, срезанное нитью (DE20-0-8); 2 – аккуратно обработанное (DE21-8-14)
 Fig. 3. Bases of vessels: 1 – string-cut (DE20-0-8); 2 – well finished (DE21-8-14)

до н.э. К сожалению, хайберовские фрагменты, похожие на наши, происходят из «смешанной фазы» Телля Хайбер или с его поверхности, поэтому дать им более точную датировку нельзя.

Донца чаш встречаются двух основных видов: срезанные нитью (рис. 3.1) или аккуратно обработанные (рис. 3.2: DE21-8-14, DE21-T1-1). Последние нехарактерны для 2-го тыс. до н.э. и принадлежат сосудам, которые мы относим к нововавилонскому времени.

Кубки

Два разных типа сосудов, cups и goblets, по-русски обыкновенно описываются одним и тем же словом «кубки». Мы предлагаем называть их по-русски, в соответствии с их формой, «круглыми» и «длинными» кубками. Круглые кубки (cups), с широким туловом, весьма распространенные на Телле Хайбер, на Телле Дехайла достаточно редки. В рассматриваемом материале они встречаются двух видов, с прямой или с расширяющейся к основанию ножкой и, хотя мы не имеем целой формы, видно, что они выполнены довольно изящно (рис. 4.1). Сохранность стенок кубков редко превышает 3–4 см от внутренней поверхности дна. Форма ножки, не дающая сосуду устойчивой опоры («неустойчивая ножка») ближе всего соответствует старовавилонским или раннекасситским образцам [Armstrong, Gasche, 2014, pl. 52–54, 57, 59]. Для «хайберовского» (поздне-Приморского) материала характерны сферические (заведомо неустойчивые) ножки, которых на Дехайле нет.

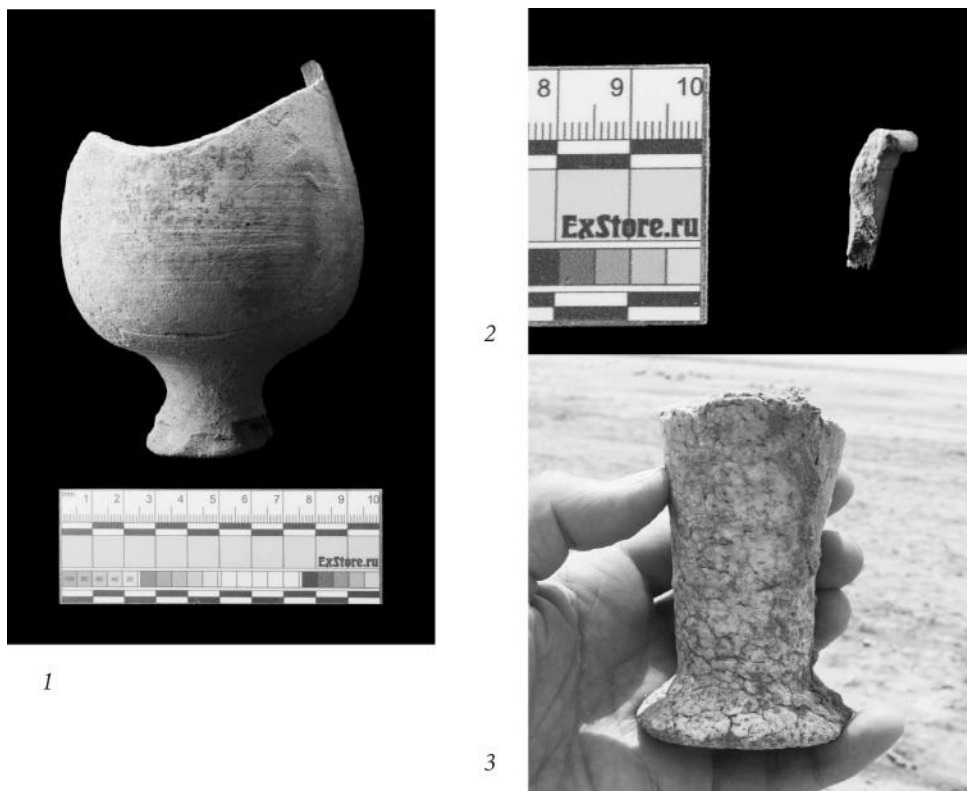

Рис. 4. 1 – нижняя часть круглого кубка DE21-0-74; 2 – венчик круглого кубка (?) DE21-10-12; 3 – ножка длинного кубка с поверхности Телля Нун-5

Fig. 4. 1 – cup base DE21-0-74; 2 – cup rim (?) DE21-10-12;
3 – the base of a goblet from the surface of Tell Nun-5

В нашей коллекции отсутствуют достоверно идентифицированные венчики кубков; вероятнее всего они не сохраняются из-за своей тонкостенности. Возможно, тонкостенный черепок со слегка утолщенной, вывернутой закраиной (рис. 4.2: DE21-10-12) мог принадлежать высокому круглому кубку.

Длинные кубки (goblets) [Calderbank, 2021, p. 177, type 40.3] в нашем материале пока не представлены. Если это не случайность малой выборки, то отсутствие таких кубков – важное наблюдение. Эти кубки, характерные как для старовавилонского, так и для касситского времени, на Телле Хайбер также не встречаются [Calderbank, 2018, p. 125]. Можно поставить в связи с этим вопрос об изменениях в обществе Приморского периода, в результате которых прервалась социальная практика, в которой они использовались, и их изготовление прекратилось. В касситское время эти кубки вернулись, ножки подобных кубков были обнаружены А.И. Янковским-Дьяконовым на соседнем небольшом Телле Нун-5 (рис. 4.3), но не на Дегайле-1.

Кувшины

Кувшины – самые многочисленные сосуды в коллекции. Хотя они в основном сохранились только в виде венчика с плечом, их форма, по-видимому, вполне типична для 2-го тыс.

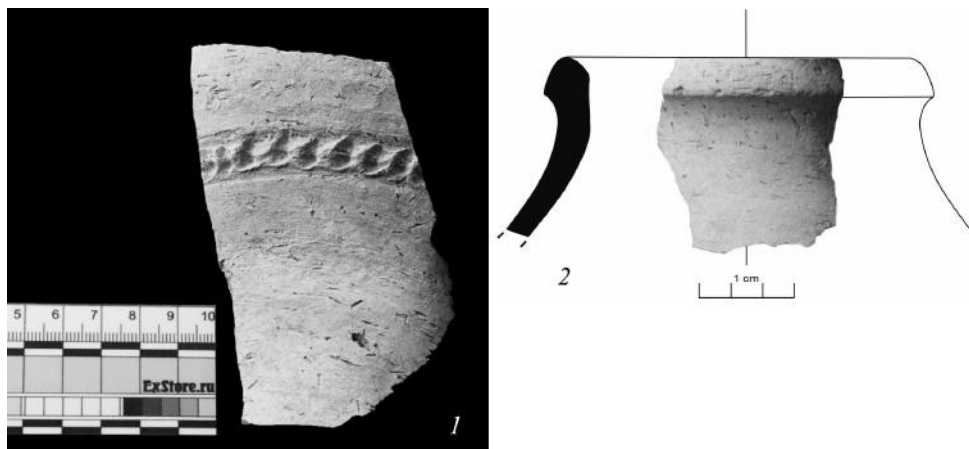

Рис. 5. 1 – плечо кувшина DE21-23-1; 2 – венчик кувшина DE21-9-19

Fig. 5. 1 – shoulder of a jar DE21-23-1; 2 – jar rim DE21-9-19

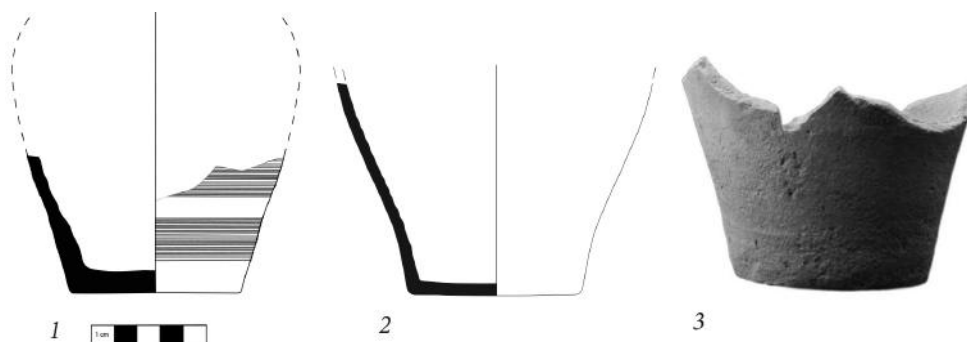

Рис. 6. Фрагменты кувшинов: 1 – DE20-3-1; 2 – DE21-0-18; 3 – DE21-0-19

Fig. 6. Fragments of jars: 1 – DE20-3-1; 2 – DE21-0-18; 3 – DE21-0-19

до н.э.: утолщенная закраина и короткая, хорошо выраженная шея, ведущая к шаровидному тулову. Украшены они обычно резными бороздками или небольшими углублениями у основания шеи или по плечу (рис. 5.1: DE21-23-1). Наиболее распространен стиль венчика, который на других памятниках встречается редко – одинарная закругленная полоса (рис. 5.2: DE21-9-19, DE21-10-5, DE21-5-4). Этот тип был обнаружен и на Телле Хайбер [Calderbank, 2021, p. 23, 243, type 70.4], но встречался там изредка и в основном в подъемном материале середины – конца 2-го тыс. до н.э. У Г. Райта такие венчики отнесены к раннекасситским маркерам [Wright, 1981, p. 316, fig. 12a], но другие характерные черты раннекасситского комплекса на Дехайле отсутствуют.

Весьма распространенным является тип сосуда DE20-3-1 из контекста, ассоциированного с сырцовой стеной из шурфа № 1 (контекст 3, рис. 6.1). Подобные донца кувшинов часто встречаются в грабительских отвалах на юго-западной границе теменоса (рис. 6.2, а также DE21-0-18, DE21-0-19, рис. 6.3). Возможным аналогом является тип 65.1.7 из Фазы 2.1 Телля Хайбер [Calderbank, 2021, p. 225], но наши кувшинчики более вытянутые от донца, наподобие типа 87с у Л. Вулли [Woolley, Mallowan, 1976, pl. 109] (ср. тип 200A₁ в

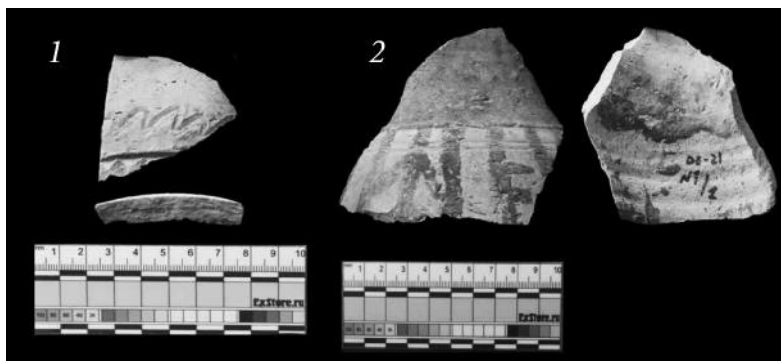

Рис. 7. Декоративные техники старовавилонской традиции: 1 – фрагмент кувшина (?) с волнистой линией DE21-9-2; 2 – фрагмент кувшина с битумным узором и с внутренним битумным покрытием DE21-1-1

Fig. 7. Decorative techniques of the Old Babylonian tradition: 1 – fragment of a jar (?) with a wavy line DE21-9-2; 2 – a fragment of a jar with a pattern applied in bitumen and with a bituminous coating inside DE21-1-1

[Armstrong, Gasche, 2014, pl. 91–92]). Формовочная масса конкретного сосуда 65.1.7 Телля Хайбер (p3123-15) такого же типа, что DE21-0-19 у нас (тип E, рис. 8.4).

ДЕКОРАТИВНЫЕ ТЕХНИКИ

В старовавилонский и смежные периоды массовая керамика данного региона украшалась очень скупо. В основном комплексе Телля Дехайла встречаются следующие декоративные элементы:

- 1) рельефные линии, полосы и украшения, похожие на веревки. Чаще всего декорированы плечи кувшинов, как было сказано выше, и тулова «стаканов» (beakers, «мензурки») (рис. 5.1, 6.1);
- 2) прорезанные волнистые линии, как на сосуде неизвестной формы DE21-9-2 (рис. 7.1);
- 3) грубые узоры, нанесенные битумной краской (например, DE21-1-1, рис. 7.2). Иногда такие сосуды также покрыты слоем битума изнутри.

Поскольку эти расписанные битумом черепки часто представляют собой небольшие фрагменты, трудно связать их с конкретными формами сосудов (возможно, кувшинами или глубокими чашами) или отождествить типы известных узоров. Простая геометрическая роспись битумом приведена в [Armstrong, Gasche, 2014] для сосудов открытых форм позднего старовавилонского периода, найденных в основном в раскопках Сиппара-Амнанума. Отдельные сосуды такого же типа найдены также в Ларсе, Исине и Нишпуре³. На Телле Хайбер такая роспись не засвидетельствована, хотя покрытие сосудов изнутри битумом бывает. Исследователи керамики раннединастического и аккадского периодов на Телле Абу Тбейра (46 км к западу от Дехайлы) полагают, что битум прикладывали к еще горячему после обжига сосуду, давая ему стечь и впитаться в стенку; это объясняет своеобразный грубый характер такого украшения. В 1980-е гг. такой способ еще применялся в деревнях в долине Диялы [Matson, 1983, цит. по: Romano, Zingale, 2019, p. 360].

³ Вот перечень иллюстраций в [Armstrong, Gasche, 2014], где приведены сосуды, украшенные битумом: pl. 12–13, 23, 41–44, 48, 77, последняя даже с зооморфным изображением, pl. 78–79, 123, украшение только в области венчика: pl. 81, 84.

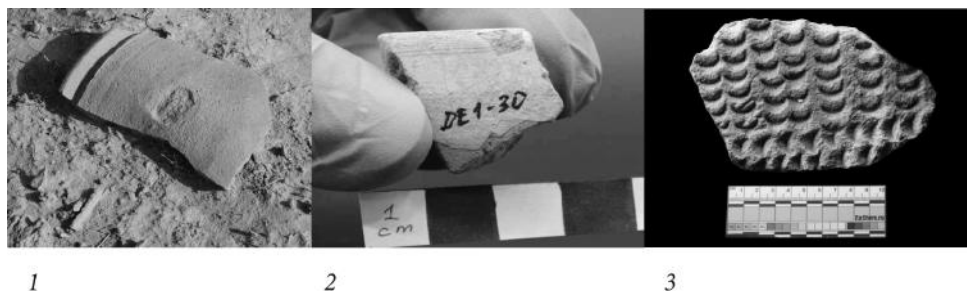

Рис. 8. Декоративные техники 1-го тыс. до н.э.: 1 – фрагмент крупного сосуда со штампом; 2 – фрагмент с глазурью (DE20-1-30); 3 – фрагмент с серийными вдавленными элементами декора (DE21-0-82)

Fig. 8. Decorative techniques of the 1st millennium BC: 1 – a fragment of a large vessel with a stamp; 2 – fragment with glaze (DE20-1-30); 3 – fragment with serial pressed-in decorative elements (DE21-0-82)

Леонард Вулли пишет об этой керамике так: «есть, однако, одна форма украшения, которая, как кажется, относится только к периоду Ларсы... узор росписи – чаще всего ромбы или зигзаги, таким образом чаще всего украшали достаточно высокие открытые чаши, иногда кувшин был просто окрашен потоками краски, начиная с шеи, которые стекали на его тулово» [Woolley, Mallowan, 1976, p. 186].

В терминологии Л. Вулли «Ларса» означает хронологически то, что мы теперь называем старовавилонским периодом в широком смысле [Sollberger, 1975, p. v]. Г. Райт, со своей стороны, замечает, что «украшение в виде широкой битумной полосы» встречается также в нововавилонское и более позднее время [Wright, 1981, p. 318].

Для нововавилонских сосудов характерны штампованные элементы декора (рис. 8.1), «серийные» вдавленные элементы (рис. 8.2: DE21-0-82). К элементам декора и поверхностной обработки нововавилонского времени относится также глазурь [Wright, 1981, p. 319], которую мы видим на черепке DE20-1-30 из переотложенного грунта в верхнем слое шурфа № 1 (рис. 8.3).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Структура большей части стратифицированных черепков выглядит схожей на всех участках раскопок, от розового до зеленого цвета, в зависимости от температуры обжига. В то время как большинство сосудов, особенно крупные пифосы и кувшины, содержат органические включения, сосуды меньшего размера, в частности, различные чаши, содержат меньше органических примесей и имеют более плотную структуру черепка.

В целом, однородность текстур на разных участках раскопок – дополнительный аргумент к тому, чтобы видеть хронологическое единство керамики на всей исследованной площади.

Есть одна технологическая особенность, которая может использоваться для диагностики позднестаровавилонской (докризисной) керамики, так называемое «донце с затычкой» (plugged base). Этот способ применялся для борьбы с нередким растрескиванием донца во время обжига. В течение всего 2-го тыс. до н.э. уже возникшие трещины заделывались более грубой глиной, однако, начиная с эпохи Ларсы, гончары стали профилактически затыкать заранее сделанное отверстие в донце более грубым тестом. Такие затычки иногда

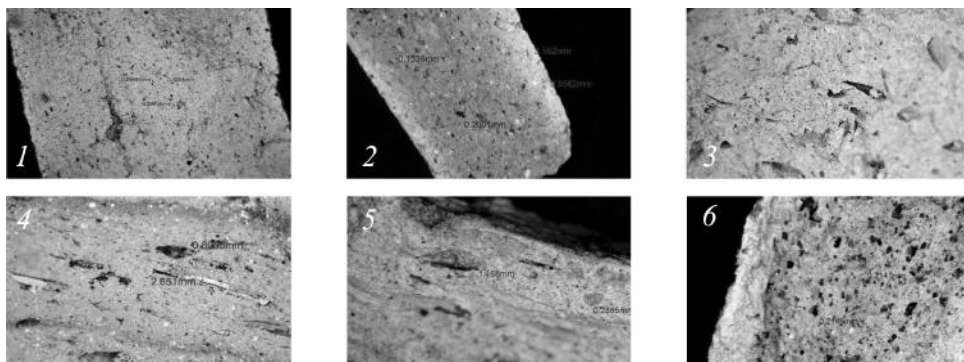

Рис. 9. Типы текстур по микрофотографиям свежих сколов: 1 – В; 2 – С; 3 – D; 4 – Е; 5 – Н; 6 – Dx (?)

Fig. 9. Types of textures: 1 – B; 2 – C; 3 – D; 4 – E; 5 – H; 6 – Dx (?)

выпадали из готовых сосудов. В касситское время гончары стали предпочитать не вставлять затычку в отверстие, а заформовывать ее заранее в нижнюю часть сосуда (filled-in base) [Armstrong, Gasche, p. 119]. На Дехайле мы находим много примеров донец «с затычкой», например, DE21-2-25, DE21-0-19 и др.

Л.А. Гусак провела фотографирование свежих сколов на 37 фрагментах поверхностной и 82 фрагментах стратифицированной керамики, то есть примерно на трети коллекции. Выборка была сделана с целью иметь образцы микрофотографий сосудов основных типов и наиболее интересных экземпляров. Затем было проведено сравнение текстур с их классификацией, проведенной Д. Кальдербанком на материале Телля Хайбер.

Из семи видов текстур (типов формовочных масс), отождествленных на Телле Хайбер, на наших микрофотографиях присутствуют пять:

1. Тип В с содержанием песка от очень мелкого до среднего (0–0,5 мм), мало органических включений (рис. 9.1: DE21-27-2, скол светло-желто-коричневый).

2. Тип С с таким же песком и малым количеством органических включений, однако в нем присутствует около 5 % кальцитовых частиц, обычно мелких, но иногда более крупных, до 0,5–1 мм (рис. 9.2: DE21-25-1, скол розовый).

3. Тип D с таким же песком, без или почти без кальцита, с многочисленными пустотами, от мелких до средних, (0,1–1 мм), образовавшихся после сгорания органических включений (рис. 9.3: DE21-2-5, светло-серо-зеленоватый).

4. Тип Е отличается от предыдущего наличием многочисленных длинных грубых включений рубленого тростника или соломы, длиной до 2 мм и более. В сосудах более высокого обжига эти включения сгорают, оставляя после себя пустоты (рис. 9.4: DE21-22-2, светло-розовый).

5. Тип Н может содержать менее выраженные включения рубленого тростника или соломы (длиной 0,5 мм и более), но содержит, вдобавок к ним, также многочисленные мелкие пустоты (0,1–0,5 мм), а также небольшие комочки глины, по цвету и консистенции отличающиеся от основного теста (рис. 9.5: DE20-0-10, светло-песочный).

Текстуры Телля Хайбер типа А (очень плотная, хорошо подготовленная масса с очень мелким песком и без заметных органических включений), типа F (большие скопления длинных органических включений) и типа G (с грубыми непластичными неорганическими включениями) в описываемой выборке не встречались.

Одна из текстур в нашей выборке является кандидатом на новый тип: текстура сосуда DE21-0-74 (рис. 9.6), напоминающая тип D, светло-розовато-песочного цвета, с большим

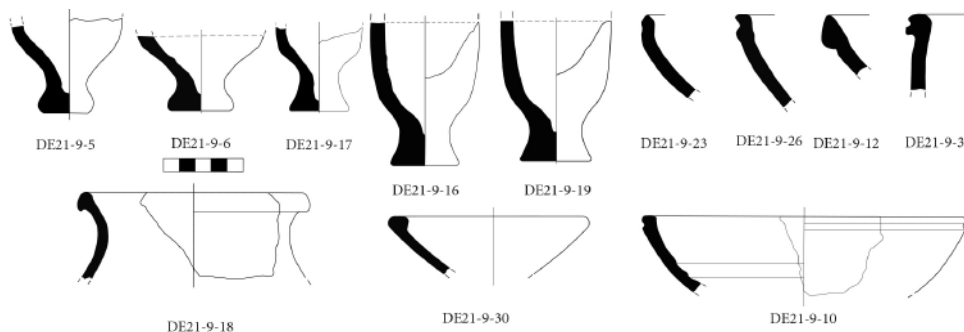

Рис. 10. Наиболее сохранные диагностические фрагменты из контекста № 9 раскопа № 2 («слой таннуров»). Цена деления масштабной линейки 1 см

Fig. 10. The best-preserved diagnostic fragments from context No. 9 of the sounding No. 2 ("tannur layer"). Scale division value 1 cm

количеством регулярных органических и, возможно, неорганических включений (впечатление «пористости»). Морфологически, впрочем, этот сосуд (круглый кубок, *cup*) следует отнести к основному комплексу.

Из изучения текстур этой выборки можно сделать вывод, что в части используемых формовочных масс и их подготовки гончарная традиция Телля Дехайла близка к засвидетельствованной на Телле Хайбер.

ДАТИРОВКА ОСНОВНОГО КОМПЛЕКСА

Многие из описанных выше форм сосудов встречаются в пределах старовавилонской эпохи, но некоторые из основных форм старовавилонского периода, такие как тарелки или длинные кубки (*goblets*) [Wright, 1981, p. 314–315, fig. 10–11], не представлены. Нет и типичных форм следующего за Приморским касситского периода, характерных чаш и кубков с волнистой стенкой [Wright, 1981, p. 316–317, fig. 12i, 13c–d]. Нет также круглых кубков с широким туловом и неустойчивой ножкой и совсем немного чаш с ребром (*carinated bowls*), свойственных Приморскому периоду Телля Хайбер [Calderbank, 2018, p. 126].

Мы предлагаем видеть наиболее близкий сравнительный комплекс в Фазе III (ок. 1800–1600 гг. до н. э.) Телля Йельхи в долине реки Диялы [Gabutti, 2002–2003]. Можно предположить, что Телль Дехайла, также как Телль Йельхи, не испытал на себе катастрофических событий времени Самсуилуны, и тем самым переход к следующей (в нашем случае к Приморской) эпохе произошел здесь постепенно.

СТРАТИГРАФИЯ

Наиболее отчетливая стратиграфическая картина наблюдается на раскопе № 2, где над материком можно выделить три периода обживания:

1) основной, соответствующий времени использования монументальных стен по прямому назначению (нижняя граница +0,46...+0,51 м от нуля памятника⁴; керамика имеет здесь старовавилонский облик;

⁴ За условный высотный «0» был принят уровень подошвы стены из обожженного кирпича, по-видимому, соответствовавший одному из поздних урезов воды в реке Эриду [Янковский-Дьяконов и др., 2022, с. 45, прим. 1].

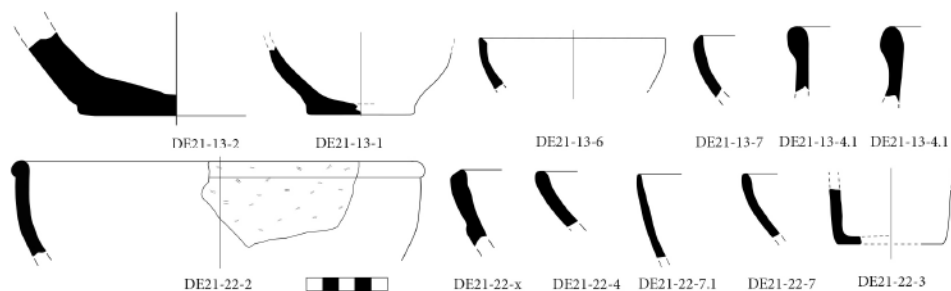

Рис. 11. Наиболее сохранные диагностические фрагменты из нижних контекстов раскопа № 1.

Цена деления масштабной линейки 1 см

Fig. 11. The best-preserved diagnostic fragments from the lower contexts of excavation No. 1.

Scale division value 1 cm

2) следующий за ним «слой таннуров» (нижняя граница +2,21...+2,64 м), соответствующий поселению на руинах монументальных стен; его формы могут быть «Приморскими» (пост-кризисными) (рис. 10). Так, характерные донца кубков (особенно DE21-9-5) напоминают Tav.70:15–16 из слоя III Телля Йельхи [Gabutti, 2002–2003, p. 172], а об аналогиях с кувшинами и чашами Телля Хайбер было сказано выше.

3) самый верхний слой, с нижней границей +2,90...+3,00 м, на глубине 5–15 см от современной дневной поверхности, не связанный с архитектурными остатками, с керамикой нововавилонского периода.

Раскопы № 1 и № 3 имеют наверху переотложенный в результате деятельности грабителей грунт, однако в раскопе № 1 грабеж был давним. В занесенной грабительской яме глубиной 30–61 см от современной дневной поверхности встретились единичные фрагменты как старовавилонской, так и нововавилонской керамики (нижняя граница +1,64...+1,82 м).

Второй контекст, с толщиной слоя 15–20 см и нижней границей +1,61...+1,49 м от нуля памятника, представляет собой, возможно, золотые отложения; фрагментов керамики в нем слишком мало для датировки, однако ни один из них не выбивается из общей старовавилонско-Приморской картины.

Ниже находятся потревоженные контексты № 3+13+22, ассоциированные со стенами из сырцового кирпича. Их керамика отвечает нашему основному комплексу старовавилонского облика (рис. 10). Нижняя граница слоя, насыщенного керамикой, +0,95...+1,05 м, под ней находится рукотворная нивелировочная подсыпка и далее материк на уровне +0,51...+0,54 м.

Грабительские ямы, расчищенные нами в раскопе № 3, были совсем свежими и доходили до уровня вымостки из обожженного кирпича (+2,30...+2,40 м). Раскоп был остановлен на этом уровне; в нем выявлена керамика старовавилонского облика, в том числе фрагменты с битумной росписью (рис. 7.2).

ДАТИРОВКА ПОДЪЕМНОГО МАТЕРИАЛА

Некоторые формы подъемной керамики сходны с формами из стратифицированных контекстов, о которых говорилось выше. Это особенно четко проявляется в старовавилонском стиле многих чаш с простыми формами и закругленными венчиками, формами с плоским венчиком, а также менее распространенными формами со скошенным или молотовидным венчиком.

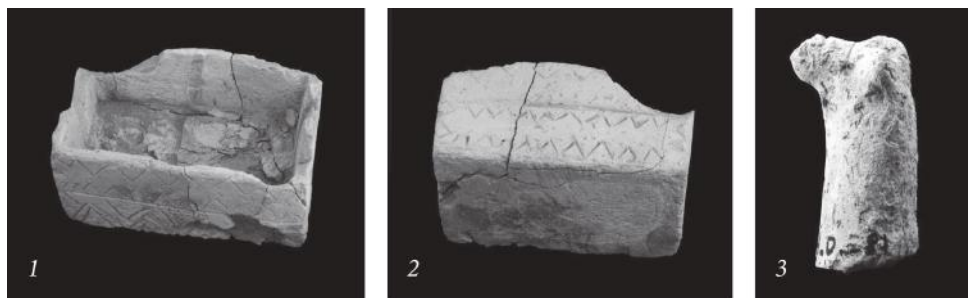

Рис. 12. 1, 2 – шкатулка или курильница (?) DE21-0-61; 3 – фрагмент фигурки верблюда DE21-0-81
 Fig. 12. 1, 2 – box or incense burner (?) DE21-0-61; 3 – a fragment of a camel figurine DE21-0-81

Однако, помимо этого, есть фрагменты, которые надо отнести к более позднему периоду. К ним относятся кувшины с ушками, грубые цилиндрические сосуды, тонкие черепки, нехарактерные для 2-го тыс. до н.э., а также, возможно, фрагменты керамических гробов.

Течение реки Эриду прекратилось к середине 1-го тыс. до н.э., вместе с ним прервалось и постоянное заселение равнины Эриду [Wright, 1981, p. 334–336], что заставляет считать нововавилонско-ахеменидский период верхней границей заселения Телля Дехайла в каком бы то ни было виде. Находки этого времени на поверхности памятника немногочисленны. Их малое число коррелирует с характером самого верхнего слоя раскопа № 2, который свидетельствует о наличии здесь в это время только полукочевых лагеря без следов постоянных архитектурных сооружений [Янковский-Дьяконов и др., 2022, с. 56].

Среди индивидуальных находок 2021 г. есть несколько керамических изделий: маленький керамический токен (DE21-2-7) с изображением, напоминающим шумерский клинописный знак DINGIR ✱, найденный в слое разрушения главной стены, и поверхностные находки: две фигурки верблюдов, а также предмет, который мы в полевом отчете и в публикации [Янковский-Дьяконов и др., 2022, с. 50, 54] назвали «шкатулкой» (DE21-0-61).

На основании описания у Л. Вулли можно предположить, что речь идет о курильнице, которые «продолжали использоваться на всем протяжении вавилонской истории». Издатель VII (старовавилонского) тома «Ur Excavations» Т. Митчелл сообщает в своем примечании, что подобные курильницы были наиболее популярны в 1-м тыс. до н.э., однако две такие курильницы найдены в касситских слоях в Ниппуре. Сам Л. Вулли приводит в VII томе единственную курильницу, достоверно датируемую «эпохой Ларсы» [Woolley, Mallowan, 1976, p. 186, fig. 1].

Однако нововавилонские курильницы [Woolley, 1962, pl. 36] и курильница «эпохи Ларсы» имеют ножки, а на нашей нет не только ножек, но и следов возможного скола, зато есть след от внутренней перегородки.

Отдельного внимания заслуживают глиняные фигурки верблюдов. Шумерское слово *anše.a.abba* («морской», или «заморский» «осел») впервые замечено в лексическом списке XIV–XIII вв. (UM 29-16-338 = CDLI P228739). Это одноязычный список шумерских слов, обнаруженный в Ниппуре, предшественник новоассирийского двуязычного (шумеро-аккадского) списка *urra = ħubullu*⁵. В реальном тексте (вне лексического списка) *anše.a.ab.ba* впервые встречается в тексте стелы Салманасара III (858–824 гг. до н.э.) [Grayson, 2002].

Подробный разбор текстовых свидетельств приведен у [Heide, 2010]; там же сказано, что палеозоологические данные показывают, что в первой половине 1-го тыс. до н.э. верблюд-дромадер был одомашнен.

⁵ В двуязычном списке шта XIII 1-го тыс. до н.э.: *anše.a.ab.ba = i-bi-lu* [MSL 8/1, p. 51, 366], «дромадер» [CAD I/I, p. 2].

Верблюды размножаются медленно; чтобы они могли быть одомашненными к началу 1-го тыс., этот процесс должен был начаться на несколько веков раньше, а город Телля Дехайла – первое крупное городское поселение на пути из Аравийской пустыни на аллювий. Если искать место активного контакта с кочевниками пустыни, то оно должно быть здесь, в «Стране Моря», из чего вполне логично выводится и шумерское название дромадера, а́нše.a.abba, «осел из [Страны] Моря» [Heide, 2010, p. 353–354]. На голове верблюда DE21-0-81 есть черта, которую можно рассматривать как изображение сбруи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа с керамикой Телля Дехайла-1 на данном этапе исследования памятника велась прежде всего с датировочными целями. Анализ ее морфологии, вместе с технологическими и стратиграфическими наблюдениями, позволяет говорить о трех периодах бытования.

Первый, основной, следует отнести к старовавилонской эпохе в широком смысле, к тому периоду, когда на описываемой территории наблюдался расцвет и расширение поселений.

Следующий период («слой таннуров»), вероятно, можно отнести к жизни на руинах города, наподобие «смешанной фазы» Телля Хайбер. Однако на Телле Дехайла этот период, по-видимому, наступил раньше, в эпоху, которую мы предлагаем называть «ранне-Приморской». Продолжительность этого периода невелика по сравнению с основным. Здесь наблюдаются параллели с формами керамики периода Первой династии Приморья как на Телле Хайбер, так и на периферийных памятниках, однако статистического материала пока недостаточно для решительных выводов.

Последний период бытования на Телле Дехайла датируется нововавилонским временем и в пределах изученной территории не ассоциируется с архитектурными остатками. Однако к этому же времени скорее всего относится грандиозная оборонительная траншея непосредственно к югу от бывшего города, а возможно – и вымостки из крупноформатных кирпичей близ реки. Поэтому, несмотря на то, что старовавилонский город к этому времени уже превратился в тель, активная человеческая деятельность на его территории продолжалась вплоть до полного пересыхания локальной системы рукавов Евфрата около середины 1-го тыс. до н.э.

Основной комплекс Телля Дехайла имеет некоторое морфологическое своеобразие. Пока неясно, лежат ли за этим хронологические причины, или же эта керамика является самобытной региональной вариацией синхронных форм. Более детальное изучение уже полученного материала, а главное, продолжение раскопок, дадут, как мы надеемся, ответы на эти вопросы.

СОКРАЩЕНИЯ/ABBREVIATIONS

CAD: I-J – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Eds: L. Oppenheim, E. Reiner et al. Chicago: Oriental Institute, Glückstadt: J.J. Augustin Verlagbuchshandlung, 1960.

MSL – Materials for the Sumerian lexicon, 8/1. Eds: Landsberger B. et al. The Fauna of Ancient Mesopotamia. First Part: Tablet XIII. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1960.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Янковский-Дьяконов А.И., Кальдербанк Д., Джотери Дж., Новиков В.В. Результаты пробного сезона Российско-Иракской экспедиции на телле Дехайла-1. *Восток (Oriens)*. 2020. № 5. С. 9–21 [Jankowski-Diakonoff A.I., Calderbank D., Jotheri J., Novikov V.V. Results of the Test Season of the Iraqi-Russian Expedition at Tell Dehaila-1. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 9–21 (in Russian)].

Янковский-Дьяконов А.И., Амиров Ш.Н., Меньшиков М.Ю., Джотери Дж. Второй сезон Российско-Иракской экспедиции на Телле Дехайла-1 (2021 г.). *Краткие сообщения Института археологии*. 2022. Вып. 267. С. 44–58 [Jankowski-Diakonoff A.I., Amirov Sh.N., Menshikov M.Y., Jotheri J. The Second Season of the Iraqi-Russian Expedition at Tell Dehaila-1 (2021). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2022. Vol. 267. Pp. 44–58 (in Russian)].

Armstrong J. Pottery. *Nippur III: Kassite Buildings in Area WC-1*. Ed.: R.L. Zettler. Chicago: The Chicago University Press, 1993. Pp. 67–80.

Armstrong J., Gasche H. *Mesopotamian Pottery. A Guide to the Babylonian Tradition of the Second Millennium BC*. Ghent, Chicago: 2014.

Boivin O. *The First Dynasty of the Sealand in Mesopotamia*. Berlin: De Gruyter, 2018.

Calderbank D. *Moulding Clay to Model Sealand Society. Pottery Production and Function at Tell Khaiber, Southern Iraq*. PhD Dissertation. Manchester: University of Manchester, 2018.

Calderbank D. *Pottery from Tell Khaiber: A Craft Tradition of the First Sealand Dynasty*. Ludlow: Moonrise Press, 2021.

Gabutti A. La ceramica dei livelli VIb-III / La ceramica di Tell Yelkhi. *Mesopotamia*. 2002–2003. Vol. XXXVII–XXXVIII. Pp. 87–263.

Grayson A. *Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC II (858–745 BC)*. Toronto: University of Toronto, 2002.

Hamdani A. *Shadow States. The Archaeology of Power in the Marshes of Southern Mesopotamia*. PhD Dissertation. New York: Stony Brook University, 2015.

Heide M. The Domestication of the Camel: Biological, Archaeological and Inscriptional Evidence from Mesopotamia, Egypt, Israel and Arabia, and Literary Evidence from the Hebrew Bible. *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas*. 2010. Bd. 42. S. 331–384.

Matson F. The Banahilk Potter. *Prehistoric Archaeology along the Zagros Flanks*. Eds.: L. Braidwood et al. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1983. Pp. 615–628.

Romano L., Zingale M. Area 1 Pottery. Part 1. A Preliminary Assessment on Typology, Technology and Use. *Excavations in Abu Tbeirah I. Area 1. Last Phase and Building A – Phase I*. Eds.: L. Romano, F. d'Agostino. Rome: Sapienza Università Editrice, 2019. Pp. 339–383.

Sollberger E. Preface. Woolley L., Mallowan M. *Ur Excavations*. Vol. VII. *The Old Babylonian Period*. London: British Museum, 1976.

Woolley L. *Ur Excavations*. Vol. IX. *The Neo-Babylonian and Persian Periods*. London: British Museum, 1962.

Woolley L., Mallowan M. *Ur Excavations*. Vol. VII. *The Old Babylonian Period*. London: British Museum, 1976.

Wright H. The Southern Margins of Sumer. An Archaeological Survey of Areas of Eridu and Ur. Adams R.M. *Heartland of Cities*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. Pp. 295–362.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЯНКОВСКИЙ-ДЯКОНОВ Алексей Игоревич – научный сотрудник Центра археологии доисламского Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexei I. JANKOWSKI-DIAKONOFF, Research Fellow, Centre of Pre-Islamic Archaeology, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КАЛЬДЕРБАНК Дэниэл – преподаватель Школы гуманитарных исследований Университета Глазго (археология), Глазго, Великобритания.

Daniel CALDERBANK, Lecturer, School of Humanities, University of Glasgow, Glasgow, UK.

ГУСАК Лидия Андреевна – магистрант кафедры истории России и археологии Гуманитарного института Новгородского Государственного Университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

Lidia A. GUSAK, Master Student, Department of History of Russia and Archaeology, Institute of Humanities, Yaroslav the Wise State University of Novgorod, Veliky Novgorod, Russia.